

24.06.2015

Гадкие лебеди

О гибридной войне, сложном мире и
чёрных лебедях над Донбассом

Александр Неклесса

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

www.intelros.ru

Интеллектуальная Россия

© 2015 Александр Неклесса

© 2015 ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия
МОСКВА 2015

Александр Неклесса

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом¹

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН

Будущее должно быть заложено в настоящем.

Георг Кристоф Лихтенберг

Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение тезиса стирает остроту содержания. Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой. И, несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций, – с иной скоростью социального времени. Где-то, начиная с последней трети XX века, время в человеческом космосе ускоряется, разночтения множатся, мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Оpozнание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности – как результат, мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Гибридные войны

Государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности. В XX веке война стала индустриальным феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более масштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих предприятий, заключались международные соглашения, подписывались женеvские конвенции и т.п.

¹ Краткая версия: Александр Неклесса. Черные лебеди над Донбассом // Независимая газета 10.06.2015.

Конечно, множились отклонения от стандарта, прежде всего в ситуациях транзита, чаще всего – революций. А в глобальном масштабе – при столкновении идеологий и культур либо резкой асимметрии сил. Наиболее частые девиации – партизанские действия, скрытое участие иностранных войск, терроризм, массированное использование сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим в корейской и вьетнамской кампаниях: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных, явных и закамуфлированных, герильи, гражданских лиц, совмещение экономических, психологических, информационно-пропагандистских мероприятий, коррупционных акций, демонстрационных действий и диверсий. Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями. Вьетнам показал, что война выигрывается не только за счет силового превосходства.

Следующий кейс, Большой Ближний Восток. Здесь множество сюжетов, относящихся к теме: от израильско-палестинских, афганских, иракских, сирийских сценариев до коллизий, связанных с подвижным, лишенном границ Исламским государством. Или сам по себе феномен симбиотической войны с терроризмом. По мере усложнения ситуаций меняется методология анализа и действия, формулируются инновационные методы управления: матричное, рефлексивное, точечное, аттрактивное (рефлекторный мультипликатор), синергичное и т.д. Системы становятся чересчур многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом (точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры). Так, к примеру, успешность первой иракской кампании была в определенной степени обеспечена ориентацией ее сценария на ментальность лидера противоположной стороны...

Существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам». В сухом остатке гибридная война — это сумма силовых, форсированных действий вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Гибридная война — это сумма силовых, форсированных действий вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Постсовременные военные конфликты имеют комплексную природу, т.е. могут интегрировать в различных комбинациях не только средства, но и достаточно разнородные цели весьма различных субъектов прямого и косвенного действия. Иначе говоря, «вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Френсис Хоффман). И более того – подавлять оппонента осознанной синектрией намеченных целей и рубежей. В некоем же футур-историческом пределе оппонирование в коллективной «войне цивилизаций» может прочитываться как демонтаж мировоззренческих основ и подрыв правовых регуляций современной цивилизации

эkleктичным Не-Западом. Процесс может иметь не только ползучие формы², но также проявиться в виде острой системной дестабилизации³.

В своей основе гибридная война есть следствие транзитной ситуации, когда прежние категории и регуляции утрачивают актуальность, тенденция начинает доминировать над фактом, процессуальность над феноменологией.⁴ Параллельно растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил и средств, быстрой адаптации к меняющимся условиям и дискретному властно-правовому консенсусу. Это, по сути, венчурный поиск и реализация возможностей метаполитического действия как одновременное следствие определенных ограничений и новых условий, инструментов, технологий, их высокой эффективности и доступности различным, в том числе негосударственным субъектам, включая гражданские лица. Гибридная война распыляет и сдерживает силы противника, снижает эффективность применения им собственно военных сил и средств, затрудняет их использование в полном объеме, а массированное участие гражданских лиц создает сложные ситуации. Иначе говоря, это не та война, которая для российской психеи служит точкой отсчета.

«В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам». Валерий Герасимов, начальник Генштаба России.

Архетип «войны» в российской ментальности – «Великая Отечественная» (но уже тогда на театрах мировой войны были видны различия в кодах боевых действий, ведущихся на основе «законов войны» и «тотальной борьбы», исходящей из идеологических установок). Однако с тех пор имела место синтетическая, но несинтегрированная в сознании «холодная война» – транс-ядерная, т.е. учитывавшая наличие и возможность применения ядерных вооружений. Она стимулировала поиск инновационных прямых и косвенных средств господства, объединив распределенное множество локальных конфликтов, прочих деструктивных операций и активных мероприятий при формальном неучастии или ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны. Кроме того агрессивные акции могут сегодня реализовываться не только в физическом измерении, но также в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью кибератак, радиоэлектронных манипуляций, инновационных управленческих методов и психологических инструментов,

² «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды». Шимон Перес. Новый Ближний Восток. – М., 1994. – С.188.

³ Гибридные, сетцентрические, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных армий, комбатантов, инсургентов, эскадронов смерти, разведывательных/интеллектуальных корпораций сегодня стали горячей темой, но это не означает, что зарождавшийся феномен не был своевременно замечен и осмыслен. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая; для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований». Е.Э. Месснер. Мятеж – имя третьей всемирной. – Буэнос-Айрес, 1960.

⁴ Обобщенную формулу архитектоники мыслительного действия в перманентно подвижной среде можно представить следующим образом: «факт выше суждения, тенденция выше факта».

применяемых в интеллектуальных, творческих, антропологических средах. Моделируя предельные ситуации, отчасти с акцентом на будущее, можно, образно говоря, победить страну, а она либо внезапно проснется, либо об этом узнает «только на следующий день».

В какой-то мере Украина оказалась частью нового пространства операций, его очередным историческим полигоном.

Украинский разлом

Здесь, как и в предыдущем сюжете, нужно учитывать генетику явления, его основания, в то время как сегодня львиная доля внимания уделяется конъюнктурным факторам, т.е. не «почему вообще», а «почему сейчас». Я бы выделил следующие «долгоиграющие» аспекты проблемы. В прошлом веке разрушались имперские организмы — сначала континентальные: Российская, Австро-Венгерская, Османская империи. Затем начали рассыпаться «морские империи»: британская, французская, испанская, португальская... т.е. развивался процесс, получивший со временем определение «деколонизация», порождавший национальные государства. Для континентальных империй процедура была прописана после первой мировой войны Парижской мирной конференцией и последующими договорами, породившими плеяду постимперских национальных государств и подмандатных территорий, причем не только в Европе.⁵ А для империй «морских», несколько позднее, после второй мировой — регламентами и резолюциями ООН.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России в данном ключе, используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, — перипетии обретения независимости Ирландией с ворохом сопутствующих обстоятельств. Или, отчасти, траектория отношений Хорватии и Сербии. Аналогии можно найти не только в Европе и не только в прошлом веке, присмотревшись, скажем, к судьбе испанских территорий в Латинской Америке (не случайно в свое время Семен Петлюра изменил свое имя на Симон именно ради аналогии с Симоном Боливаром). Или даже припомнить еще более ранние коллизии Великобритании с устремленными к независимости США. Разные ситуации, с разными историческими маршрутами, но вызывающие ассоциации, реминисценции, имеющие определенный инвариант и служащие историческим уроком.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России, используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, — перипетии обретения независимости Ирландией.

Другой конфликтный аспект российско-украинских связей — это культурный дифференциал и проистекающая из него возможность столкновения культур. Цивилизационный разлом в данном случае не столько конфессиональное пограничье, сколько социальное разночтение. Рубеж был прочерчен, скорее, в соответствии с политической культурой городского самоуправления, а не ареалами конфессий; цивилизационная граница — северо-восточный рубеж распространения городов, управлявшихся в соответствии с магдебургским правом (юго-запад Российской империи до Смоленска, включая его, т.е. практически «по Днепру»). И еще оригинальная полковая культура самоуправления в Гетманщине, вся совокупность традиций военного сообщества Запорожской Сечи, имевших широкое распространение в регионе. В

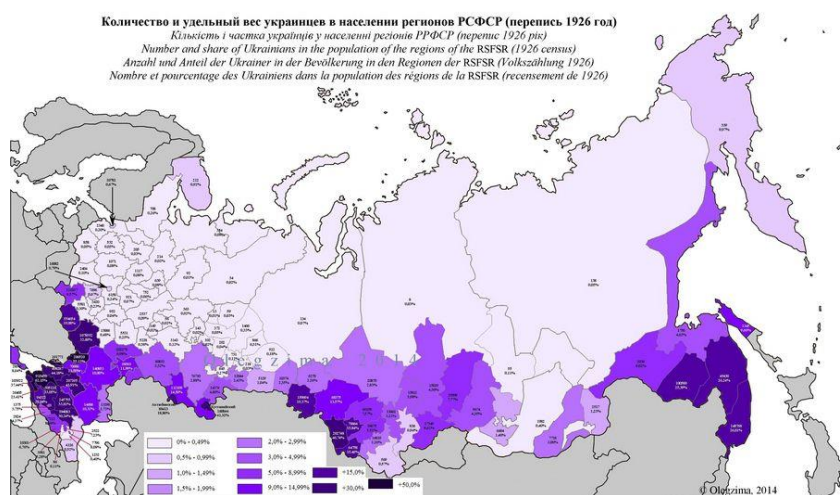
⁵ Россию как страну, не принадлежавшую к Центральным державам (Четверному союзу), эти решения, практически, не затронули, но в силу иных обстоятельств тогда же от нее отпали Польша, Финляндия, Балтийские государства. Примерно в те же годы ограниченный государственный суверенитет обретает Ирландия (статус доминиона, 1921 г.).

империи же с подавляющим преобладанием сельского населения⁶ существовал дефицит практики самоуправления, в том числе муниципальной власти, формируемой горожанами (т.е. гражданами, бюргерами, буржуа).

Следует учитывать относительно меньшее, хотя и форсированное, присутствие крепостничества на украинских землях, его иные исторические сроки, географию. Распространенное до времени преимущественно в центральных областях империи «крепостничество» было по сути стыдливым именованием рабовладения, т.е. открытой торговлей соотечественниками оптом и в розницу, искажавшей человеческую природу как рабов, так и их хозяев. Сыграло свою роль обитание украинской громады на территориях разных государств, предопределив ее социальную и культурную диверсифицированность, создав несколько уровней и типов национального домостроительства. Если украинская социокультурная идентичность в определенной степени это ментальность хуторянина, козака, шляхтича, гражданина-горожанина, коллективно отстаивавшего конфессиональную-языковую-национальную самостийность (менявшие культурный код растворялись в соседних народах), то ментальность имперского индивида в своей основе – идентичность подданного российского межнационального государства (*господарства*), «слуги империи», стремительно расширявшейся и вбиравшей народы на евразийских просторах. Общей же проблемой были индивидуация и элитогенез, подавленные, помимо универсального крепостнического уклада, системным патернализмом; в частности, поэтому опыт домостроительства украинского общества и попыток трансформации государственности – несмотря на очевидные и неочевидные различия – наиболее интересен и ценен именно для России.

XX век привнес на эти земли центробежную идею строительства политических наций, однако коммунистический эксперимент запустил процесс обновления формулы интеграции стран и народов с Россией. (Апофеозом данного сюжета была, пожалуй, высказанная Мао идея присоединения к СССР Китая, открывавшая совершенно новые футуристические и геополитические горизонты, впрочем, с определенными историческими реминисценциями.) Крах советского коммунистического эксперимента завершил процесс и предопределил трансгрессию.

Специфика Украины заключается также в трагичности ее истории. Страна располагалась на

путях переселения народов, перекрестке культур и конфессий, унии и руины, политических проектов и социальных катаклизмов, слишком часто пребывая в горниле интервенций, мятежей, войн, оккупаций. Народ утрачивал суверенность, разделялся границами, переселялся – вольно и невольно – на Кубань, в Сибирь, на Дальний Восток, элита

разъезжалась по иным национальным квартирам на Запад и Восток, Юг и Север, нередко теряя или сознательно меняя идентичность. Соборное единство было обретоно на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей ощутимы вплоть до настоящего времени.

⁶ Значительная часть этого населения, лишенного элементарных прав, не являлась субъектами с точки зрения закона, будучи объектами имущественных и хозяйственных отношений.

Трагична история и советского периода, прежде всего катастрофа Голодомора, выкосившая Восточную Украину (как бы ни подсчитывали число жертв – во всех версиях оно чудовищно). Одним из следствий чего было переселение некоторого числа жителей центральной России в эти земли. А затем воспоследовали военные и послевоенные «страсти по Украине». В сумме эти факторы предопределили настойчивое стремление к суверенности и европейский выбор Украины. Можно, конечно, обсуждать, почему радикальный перелом произошел именно сейчас, но, в принципе, долгосрочная тенденция была очевидна... Особенностью нынешнего момента стал сдвиг от этнического национализма к политическому, а также необходимость обсуждать в практическом залоге тему федерализации Украины, что может со временем иметь серьезные последствия, включая не слишком очевидные, и для России.

Актуальный вопрос ситуации – возможность возобновления горячей фазы военного конфликта.

Если сравнивать с прошлым годом, то угроза перерастания в полномасштабную войну снизились. Максимальная вероятность попытки восстановления прежнего режима во всей полноте и массированного ввода российских войск, в том числе в виде миротворческих, была, пожалуй, в конце апреля прошлого года в период транзита власти, т.е. до президентских выборов (вместе с возможностью сокращенной версии реставрации по образцу «Республики Сало»). Перспектива активных боевых действий на территории Украины, конечно, существует и сейчас, однако все более значимым становится другой аспект ситуации – накапливающиеся в ходе боевых действий низкой интенсивности деструктивные следствия и генезис «черных лебедей», вылетающих из этого гнезда (вспомним катастрофу с малайзийским лайнером). В питательной среде подобных коллизий – зародыши

разновекторных событий, сумма которых непредсказуема.

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклюзия», напоминающая аналогичные деструктивные образования на других континентах планеты, сумма предполагаемых/вероятных угроз в которых: политическое противоборство конфликтующих полевых командиров; инволюция к этно- и конфессионально ориентированным городам-государствам; перманентное ведение гибридных боевых действий различной интенсивности, участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях; зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий; трофейная экономика как основа жизнедеятельности, криминализация, наркотрафик и контрабанда, торговля людьми и оружием, коррупция; беженцы и переселенцы; постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии, различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, обоюдоострая психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация, культурная инверсия и деградация, социальная неоархаизация; антропологический пылесос, действующий как внутри территорий, аккумулируя специфические сообщества, так и в реверсном режиме, экспортируя социальный травматизм и аксиологический кризис.⁷

Иначе говоря, независимо от характера деклараций, возникает пульсирующая опухоль «сомализации», которая может превратиться в разъедающую политическое тело язву и которую

⁷ Обзор ситуации в «ДНР-ЛНР» см.: Владимир Дергачев, Дмитрий Кириллов. Добро пожаловать в ад // Газета.ру. Адрес в интернете: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846469.shtml (22.06.2015).

проблематично даже со временем полностью исцелить.⁸ В такие точки притягиваются специфические люди – вырабатывается своеобразный военный алкоголизм, который не проходит с годами...⁹

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклюзия», напоминающая аналогичные деструктивные образования на других континентах планеты.

Что же касается общеевропейской ситуации, то она изменилась кардинально. Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, семантика государственной и общественной дипломатии, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режиме общей и ядерной безопасности, ответственном поведении в рамках «большого политического консенсуса». Причем домино процесса лишь начинается, вопрос как далеко он пойдет. На очередном этапе могут обнаружиться сбои в работе международных организаций, в действенности различного рода соглашений, исполнении решений международных органов, т.к. их авторитет и дееспособность скомпрометированы. Россия предъявила миру эскиз миропорядка, основанного на иных принципах взаимоотношений государств и сообществ.

Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режим общей и ядерной безопасности.

Поиски выхода

Поскольку мы живем в глобальном, но культурно неоднородном мире для разрядки серьезных напряжений необходимы международные переговоры: многосторонние и двусторонние, другие меры политического характера.

События на юго-востоке Украины – это международная проблема и минские договоренности действительно сбили военный накал ситуации. Необходима также санация ОРЛДО («ДНР-ЛНР»), включая восстановление режима российско-украинской границы. Частично эти процессы пошли, подтвердив наличие проблем и с полевыми командирами, и с фиксацией пограничного режима с обеих сторон. Санация сама по себе непростой процесс даже при наличии политической воли. Конечно, чтобы снизить градус конфликта, необходим барьер насыщению данных территорий оружием и людьми, возможно, использовав миротворческий контингент ООН. Это достаточно стандартная процедура, и Украина идею поддерживает.

⁸ «Самое большее, что нас беспокоит именно сейчас – преступления против человечности <...>. Преступления эти имеют конкретные названия. Первое – расстрелы и пытки людей, независимо от того, с какой стороны они захвачены. Второе – работорговля, особенно украинским женщинами, которые остались в Донецкой и Луганской области. Это одно из самых опасных пока преступлений. И в этом им способствуют всевозможные подручные и наемники из Осетии и других восточных регионов России. Работорговля дошла до Китая. Кроме того, торговля оружием, взрывчаткой, незаконное попадание через захваченную Россией и российскими войсками украинскую границу. Настоящую границу, международную <...> это ужасное звериное лицо черной дыры под названием Новороссия». Адрес в интернете: http://lb.ua/news/2015/06/16/308384_valentin_nalivaychenko_voni.html.

⁹ А.И. Неклесса. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №2. – С.280-295.

При всем том «ловушка Крыма» сохраняет качества цугцванга, а изменение стратегического баланса уже произошло, и ряд существенных позиций Россия утратила: не только членство в «большой семерке» и т.п., но, к примеру, подорвана многоплановая концепция «русского (руського) мира», которая была актуальна и перспективна как параметр социокультурной гравитации. Однако «на вооружение» был принят ее крайне непродуктивный и неперспективный извод, отразивший мышление в категориях геополитики и запустивший процесс исторических, цивилизационных связей в реверсном режиме. В результате для России этот поезд, кажется, ушел; в актуальной же повестке региона исторический баланс сдвинут в другую сторону, и в геополитическом ландшафте проступает контур современной версии «Республики Трех Народов» (е.г. Балто-Черноморского Междуморья).¹⁰

Парадоксальным, на первый взгляд, образом, то, против чего кампания затевалась, было именно ею ускорено и воплощено. В результате действия России, инициированные опасениями в отношении союза Украины-НАТО и попытки сдержать сближение Украины с ЕС привели к стремительной модификации европейской геостратегической архитектуры. Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала»/«Стены» на месте былинных «Змиевых валов», обретение североатлантическим блоком «второго дыхания» и упрочение позиций США в Европе, размещение инструментария блока на постсоветском пространстве непосредственно у границ с Россией, возрождение «Восточного партнерства», развитие и укрепление связей постсоветских стран с ЕС, многомиллиардное финансирование европейского вектора Украины, причем в условиях, когда сам Европейский Союз находится в сложной экономической ситуации. Но главное, произошли качественные изменения в ментальности, включая отношение к России. И не только в Украине.

Также давно назрела необходимость детоксикации СМИ, особенно телевидения. Это не столько даже вопрос качества представления событий, происходящих в Украине, сколько императив психологической ситуации в России: в той политике, которую средства массовой информации сейчас осуществляют, видится определенная угроза национального масштаба, связанная со слабой обратимостью форсированных процессов, формированием устойчивого пространства ненависти. Реабилитация культурных деформаций требует длительного времени и заметно больших усилий, нежели их производство.

Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала» («Стены») на месте былинных «Змиевых валов», обретение североатлантическим блоком «второго дыхания» и упрочение позиций США в Европе, возрождение «Восточного партнерства» и развитие связей постсоветских стран с ЕС.

Что же касается понимания украинских обстоятельств, необходимы их серьезные, некрикливые обсуждения, в том числе публичные. Причем обсуждения полноценные, т.к., во-первых,

¹⁰ «Республика Трёх Народов», т.е. поляков, литвинов (литовцев и белорусов), русинов (украинцев) – современное образное название политического проекта XVII века, имевшего целью превращение конфедерации Королевства Польского и Великого княжества Литовского в триединое государство, в результате конституирования Великого княжества Русского на русских землях Королевства Польского. Согласно статьям Гадячского договора (1658 г.) Великое княжество Русское в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств должно было стать третьим участником унии. Однако договор был принят сеймом в урезанном виде, и проект не был реализован. Идея вновь возникла в начале 60-х гг. позапрошлого века (символический update Городельской унии в 1861 г.) накануне восстания 1863 г., что отразилось в композиции герба Народного собрания.

обстоятельства эти касаются не только судьбы Украины, а во-вторых, судя по явным ошибкам, совершенным и совершаемым, создается впечатление, что нет должного понимания ни исторических основ, ни комплексных следствий нынешнего развития событий. Проблема на самом деле серьезнее, речь, по сути, идет о глубоком кризисе систем госуправления. Их упрощение, выхолащивание стартовало еще в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества с его непростой системой координат, инстинктивная тяга к обманчивой эффективности властной вертикали проявились в уничтожении двоевластия (третья, судебная ветвь власти, ни тогда, ни впоследствии в России так и не сформировалась). В результате были сняты сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что очень скоро предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, фальсификацию выборов и т.д.

В чем же уроки украинского сюжета? Ответ на вопрос – актуальная повестка не только украинской или российской ситуации, тут уместно вспомнить и о других вызовах и криптограммах сложного мира: подвижной реальности Исламского государства, европейских опасениях «синдрома Франкенштейна» (федерального и миграционного характера), пертурбациях мировой энергетики, прочих ловушках цивилизационной мутации. В глобальном обществе при определенных обстоятельствах

локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам универсального толка, завершаясь радикальными изменениями или, не исключено, разрушением системы.¹¹ Сегодня событийные траектории очевидно сопряжены с критическими обстоятельствами – совершаемые действия способны вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но саму будущность глобальной системы.

Процессы, разворачивающиеся в новом сложном мире, требуют качественного обновления методов анализа и действия. Поколение технологий, настроенных на управление социальной и политической мобильностью в комплексных обстоятельствах, претендует на достижение позитивных эффектов в ситуациях критической неопределенности, а в перспективе – на продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации. Стремясь выжить в эпоху перемен, ригидные структуры умножают охранительные механизмы, в то время как высокоадаптивные организмы делают ставку на гибкую самоорганизацию.¹²

В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам, завершаясь радикальными изменениями всей системы или, не исключено, ее разрушением.

Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Вспомним знаменитый эффект бабочки, взмах крыльев которой где-нибудь в Индонезии может при странном стечении обстоятельств спровоцировать обвал акций на Уолл-стрите. Сбой же в системе международных связей способен привести к созданию на планете множества гнезд черных лебедей, откуда эти тревожные птицы – предвестники иного мира – начинают вылетать одна за другой.

¹¹ Речь, по сути, идет о представлении предельного состояния истории как своего рода социального «фазового пространства».

¹² А.И. Неклесса. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №1. – С. 93-107.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала

«Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1997), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), КАМЕЛОТ/СОФИЯ (2003-2012), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдеия (2010-2015), ИНТЕЛРОС (2003-2015).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

<http://www.intelros.ru>

nekllessa@intelros.ru